

ГЛАВА V

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ В АРМЕНИИ

Заканчивая рассмотрение археологических памятников Армении эпохи VII—VI вв. до н. э., необходимо отметить, что целый ряд новых элементов, выступивших в культуре данной эпохи, свидетельствует о коренных изменениях, предопределивших весьма существенные сдвиги в материальной и духовной жизни аборигенов страны.

Интенсивный рост земледелия и скотоводства, ремесла и междо-общинного обмена создали необходимые условия для перехода местного общества на более высокую ступень общественного развития.

Еще с неолитических времен в Армении непрерывно развивалось ирригационное земледелие. В течение нескольких тысячелетий племена, населявшие Армению, из поколения в поколение создавали и безустанно совершенствовали множество ирригационных систем, служащих полезному распределению водных запасов страны в полном соответствии с запросами все растущей земледельческой культуры. К моменту урартской экспансии вся территория Армянской ССР была покрыта сложной сетью ирригационных систем, обнаруженных и исследованных в районах горы Арагац, Агмаганских гор, а также на Араратской равнине (Октемберянский район). Разница между горными и равнинными ирригационными сетями заключалась в том, что первые были сооружены на основе использования горных ручьев и, главным образом, снеговой воды, а вторые использовали воду реки Аракс — главной водной артерии Армении. Горные системы, генетически связанные с более ранними этапами развития земледелия и скотоводства, существовали в данную эпоху наряду с ирригационными каналами на Араратской равнине, возникшими в более позднюю эпоху, в условиях освоения долин населением страны, перехода скотоводства в низменные ее районы и широкого использования в хозяйстве железных орудий.

Сооружение ирригационных систем, связанных с крупными водными артериями, «повелительно требовало вмешательства централизованной силы правительства» с вытекающей отсюда функцией «организации публичных работ»¹.

¹ К. Маркс, Британское владычество в Индии. 1853. Сочинения. IX, 1933, стр. 348.

При экономическом освоении районов Армении, не захваченных ранее урартами в целях эксплуатации подвластного населения, урарты стали развивать ирригационное хозяйство страны, хотя, с другой стороны, их грабительские походы и увод населения приводили (местами) в упадок древние каналы орошения—объект заботы всей родовой организации. Урартские эпиграфические памятники сообщают именно о проводке каналов, связанных с водными артериями Армении. У одного из таких каналов в Октемберянском районе была обнаружена урартская клинообразная надпись, повествующая о проводке канала¹. Следующая надпись из того же района повествует о построении Аргиштихинили (МАК, V, стр. 54—57, табл. 10), а также о проводке четырех каналов из реки Муна².

Третья урартская надпись (звартноцкая), принадлежащая как раз царю Руса II, строителю цитадели на Кармир-блуре, повествует о больших строительных работах, проведенных урартами в долине реки Раздан: «Руса, сын Аргишти, говорит: (в) долине страны Кутурлпни обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халда я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдарунн я провел»³. Проводка этого и других каналов, пробитых часто в толщах андезито-базальтовых скал, требовала огромных усилий местного населения и применения высококачественных железных орудий, которые, несомненно, широко использовались в хозяйстве⁴. К сожалению, раскопки могильников VII—VI вв. до нашей эры не дают надежных комплексов железных орудий, представляющих собой наиболее характерные признаки общественного производства данной эпохи.

Раскопками урартских поселений хорошо документируется земледелие. При раскопках на Топрак-кале были обнаружены железные лемехи плугов, серпы и вилы. Как мы уже видели, железные вилы и серпы были найдены также при раскопках Кармир-блур и в погребении № 2 у с. Головино, что служит основанием для предположения о применении подобных орудий и во всей Армении, тем более, что в могильниках этой поры встречается здесь такой сложный вид (для того времени) сельскохозяйственного орудия, как молотильная доска. Обнаружение деревянной молотилки в ахталинском погребении № 47 (in situ) было взято под сомнение Е. А. Лалаяном. Однако находки таковых в одном из погребений

¹ М. В. Никольский, МАК, V, стр. 57—59.

² Г. А. Меликишвили, Урартоведческие заметки, ВДИ. № 3, стр. 174—175, 1951.

³ Б. Б. Piotrovskiy, Кармир-блур. I, Ереван, 1950, стр. 26.

⁴ Акад. И. И. Мещанинов, преувеличивая роль урартской власти в создании оросительных каналов на территории Северной Армении и не учитывая факта наличия здесь ирригационной системы еще задолго до урартского владычества, пришел к ошибочному выводу о том, что «основное хозяйство Закавказья было скотоводство, достигнутое здесь вторжением халдов», а земледелие не могло развиваться в условиях отсутствия ирригационной сети (Ирригация в халдском периоде Закавказья. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, стр. 11).

нижнего яруса северного участка Самтаврского могильника¹, а также в Триалети², а еще до этого в кургане № 2 близ Ханлара³, с несомненностью свидетельствуют, что молотильная доска, появившаяся в восточной Армении примерно в начале I тысячелетия, широко применялась в земледелии.

Наличие молотильной доски, а равным образом и огромного количества скелетов лошадей, быков и других животных при одиночных захоронениях, относящихся к эпохе железа, свидетельствует еще о другом, более важном моменте в жизни родоплеменной организации, а именно о зачаточном развитии частной собственности, все больше накапливаемой в отдельных семействах или в руках глав этих семейств в виде скота, рабов или домашней утвари, в условиях давно действующего отцовского права с наследованием имущества детьми.

В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» указывает, что «На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке»⁴.

В соответствии с вышеуказанным, вполне вероятно, что обрабатываемые участки земли, находившиеся еще в собственности сельской общины, представляются в пользование отдельным семьям или дворам, как это имело место в родовом строе Чечни и Дагестана⁵. Из описаний армянских деревень в Анабасисе следует все же, что в V в. до нашей эры обрабатываемые участки общинных земель находились в руках отдельных семейств. Постепенный процесс перехода к полной частной собственности хорошо наблюдается на этнографическом кавказском материале. В то время как до XIX в. у кабардинских и адигейских племен наблюдались следы племенной и родовой собственности над землей, при которой возможность выделения отдельных участков пахотной земли в обособленное владение дворов совершенно не исключалось, а дарение и продажа этих участков запрещались, в Дагестане и Чечне двор или семейная община являлись обычными собственниками пахотных земель. Покидая свои усадьбы, они допускали пользование ими путем особого платежа. В нераздельном обладании в Чечне оставались леса и не поддающиеся обработке земли⁶.

Обработке земли по отдельным участкам, а также широкому освоению плоскогорных долинных полей не противоречит предположение Б. Б. Пиотровского о том, что разрабатываемые участки земли на территории

¹ Т. И. Чубинишвили. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XII, № 1, стр. 61—67, 1950.

² По устному сообщению Б. А. Куфтина.

³ Я. И. Гуммель, Курган № 2 близ Ханлара, КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 1, 1941, стр. 136.

⁵ М. Ковалевский, Родовой быт, СПб, стр. 289—295, 1917.

⁶ Закон и обычай на Кавказе, СПб, стр. 60—65, 1910.

Армянской ССР в урартское время располагались на тех же местах, где и современные. В селе Загалу (Нор-Баязетский район) Б. Б. Пиотровский видел поля, орошавшиеся древним каналом, протекавшим по вырубленному в скале руслу, а около Цовинарской крепости на обрабатываемом ныне участке земли он обнаружил обсидиановый вкладыш серпа. Составные серпы, как известно, бытовали в Закавказье и в эпоху широкого освоения железа. Эти поля были заняты под посевы зерновых культур, виноградников, фруктовых садов и огородов. Раскопки могильников в этом отношении дают очень незначительный материал. Так, в погребении № 3 в Ворнаке около шейных позвонков женского скелета Е. С. Такайшвили обнаружил косточки кизила, служившие пронизями. В других могильниках этой поры какие-либо остатки земледельческих культур не обнаружены. Зато раскопки цитадели на Кармир-блуре, куда поступала дань из подвластных областей Армении, дали замечательный материал, документирующий высокий уровень местного земледелия. «Среди хлебных злаков,— пишет Б. Б. Пиотровский,— особое место занимали мягкая пшеница (*Triticum vulgare vill.*) и многорядный ячмень (*Hordeum vulgare L.*) различных сортов, связанных с аборигенными формами этих злаков. Встречаются также круглозерные сорта пшеницы и ячменя особенно высокого качества»¹.

В колоссальном количестве были представлены также запасы кунжута, широко распространенной в Ассирии и Урарту культуры, культивировавшейся, вероятно, урартами. Запасы ржи, проса, чечевицы обнаружены в сравнительно меньшем количестве. Ксенофонт, попавший в Армению во время отступления 10 тысяч греков (401 г. до нашей эры), представляет ее как страну земледельческой и скотоводческой культуры. По его словам, в деревнях Армении имелись в изобилии «пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино» (Анабасис, IV, 5, 26), а также «...всякое продовольствие, какое считается лучшим: убойный скот, старые душистые вина, изюм и всякие овощи...» (Анабасис, IV, 4, 9)².

Садоводство, хорошо документирующееся урартскими клинообразными текстами, представлено меньшими данными. Мы хорошо знаем, что недалеко от города Тейшебаини находились виноградники, которые, по всей вероятности, располагались на правом берегу реки Раздан, на месте, занятом ныне под виноградники. В помещениях Кармир-блуре было обнаружено большое количество углей виноградной лозы и в единичных случаях виноградные косточки, принадлежащие сорту Воскехат (Харджил) или же Гаран-дмак (определение С. Г. Погосяна). Таким образом, в период VII—VI вв. до н. э., в условиях тяжелого урартского гнета, быстрыми темпами развивалось ирригационное земледелие, конечно, не без влияния урартской культуры, выразившегося, в частности, в усовершенствовании оросительной сети и во введении новых земледельческих культур (кунжут, просо).

¹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 27—31.

² Анабасис, перевод М. И. Максимовой.

Крупнейшие перемены произошли в скотоводстве. Чрезмерное увеличение численности скота, а также накопление его в руках все больше обособляющихся, отдельных патриархальных семейств обусловили переход скотоводства в степные районы страны. Высокогорные луга, дававшие некогда неограниченные возможности для развития скотоводства, оказались теперь явно недостаточными, а высокое развитие земледелия в степных районах страны создавало надежную базу для зимовки скота. Однако, степные скотоводы не могли забыть горные богатые пастбища и в летнее время угоняли в горы скот, вместе с которым перекочевывала и часть племени. Беспрерывное развитие скотоводства еще с неолитических времен в благоприятных природных условиях Армении служило решающим фактором, оказавшим существенное влияние на ход развития общества. Будучи наряду с земледелием основным видом хозяйства, скотоводство превратилось в основной источник для накопления богатств и собственности, дающий впервые прибавочный продукт (молочный, мясной), и тем самым стимул для межплеменного обмена. На основе развития скотоводства усиливалось имущественное неравенство между отдельными племенами еще задолго до урартской экспансии, а в период урартского владычества — и классовое расслоение внутри этих племен, ускоренное политическим и экономическим вмешательством урартов, опиравшихся в своей деятельности на местных правителей и на близстоящий к ним слой населения, но поработивших тысячи и тысячи соплеменников или сородичей тех же самых правителей. Вместе с тем скотоводство служило яблоком раздора в отношениях соседних племен, стремившихся приобрести скот и пастбища скорее путем военного грабежа и превративших таким образом войну в источник накопления богатств, в нормальное состояние жизни, в один из видов своеобразного производства.

Весьма ценные сведения о развитии скотоводства в Армении сохранили нам урартские клинописные тексты, описывающие походы урартских царей в районы Закавказья.

Летопись царя Сардура, сына Аргишти, открытая И. А. Орбели в нише на северном склоне Ванской скалы, рассказывает об упорной борьбе местных племен против урартов: «Сардур говорит: в том же году, третий раз направился я в страну Эриах¹, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Биайну (центральную часть Урарту), крепости там построил, страну в мою страну включил. Богу Халду великому Сардур говорит: пленными там сделал я, 6436 мужчин там я взял, 15553 женщин угнал, всего 21989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел. 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37685 овец я угнал (IV, 19—33)»².

Раскопки рассмотренных и не рассмотренных нами могильников на территории Армянской ССР дают в этом отношении колоссальный мате-

¹ Район современного города Ленинакан (Арм. ССР).

² Б. Б. Плотровский. Археология Закавказья, стр. 100. Любопытно, что раскопками одного из могильников указанного района добыто совершенно незначительное количество остеологических остатков животных.

В V в. до н. э., когда Армения входила в состав обширного Ахеменидского царства, в стране выводилась особая порода лошадей в «дань царю», как сообщает Ксенофонт (Анабасис, V, 5, 34). В VI веке, по свидетельству библейского автора Иезекииля, лошади и мулы из дома Торгома продавались на рынках Тира, а в VIII в. до н. э. урартами в порядке налога взимались лошади, разводимые специально в области Суби¹. Огромное значение лошади в хозяйстве этих племен отобразилось в погребальном обряде, вырисовывавшемся на основании археологического материала совершенно определенно.

В погребальном обряде Кавказа VII—VI вв. до н. э. мы встречаем повсеместно совместные захоронения человека и коня, что является показателем нового этапа в развитии погребального обряда, отражающего коренные изменения, происшедшие в области хозяйственной жизни страны в связи с ростом полукочевого скотоводства. Появление коня в погребальном обряде известно в Армении еще со времен Шахтахтинского погребения, более часто они встречаются в могильниках эпохи бронзы, а в могильниках рассматриваемого периода эти погребения выступают в массовом порядке, что дает основание считать их погребениями основной массы мужского населения Армении. В курганах Нор-Баязетского района они настолько характерны, что своим наличием указывают даже на датировку могильников. Так, в группе курганов, расположенных у с. Загалу и относящихся примерно к VII—VI вв. до н. э., погребения коней встречаются почти в каждом из них (курганы №№ 12, 14, 15, 16, 56, 57 и ми. др.). Для других курганов этого района, некоторые из которых были приведены нами в настоящей главе, погребения коней также характерны. Целые костяки лошадей, захороненных вместе с человеком, были зарегистрированы и в могильниках более северных районов Закавказья (Головино, Самтавро, Цицамури, Двани и т. п.). Иной раз погребения лошадей представлены в могилах только черепами (Дманиси, Кировакан) или же удилами.

В поздних могильниках Азербайджана погребения человека и коня были открыты В. Бельком, производившим раскопки могильников Шамхорского района, относящихся в основной своей массе к эпохе железа².

Одно из этих погребений содержало богато украшенный лошадиный скелет, в то время как человеческие кости и соответствующий инвентарь совершенно отсутствовали. Это обстоятельство представляет особенный интерес, так как в данном случае, вероятно, мы имеем могилу культового животного, наподобие того, как в Нор-Баязетском районе были обнаружены погребения культовых быков.

Близ деревни Болчалы, на правом берегу р. Кочкара (б. Елисаветпольская губ.), Э. Реслер раскопал большие курганы с деревянными помостами и трупосожжением, которые были реконструированы позднее А. Л. Спициным следующим образом: «На самом нижнем помосте из бревен укладывали покойника с его конем, оружием и прочими погребальными предметами. На втором помосте были сложены дикие и домашние

¹ И. М. Дьяконов, О пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 96.

² Z f E, YBGAEU, 1894, N. 26. стр. 238.

животные, а также рабы, которые должны были сопутствовать своему господину в другой мир, верхняя решетка—помост—была занята костром, пламя которого охватывало все жертвенные предметы и остатки похоронного пира и в конце погребальной церемонии этот костер забрасывался грудой камней, которые, пробиваясь сквозь обгорелые бревна, производили в могиле настоящий хаос. После всего этого насыпался курган»¹.

Культ коня отразился также в изобразительном искусстве местных племен. Ряд бронзовых поясов (два из Севана, один из Сананна) изображает бегущих коней в сочетании с астральными знаками и стилизованным рисунком птицы, а бронзовый пояс из Лалвара изображает реалистическую картину пары запряженных в арбу лошадей и погонщика.

В археологии Северного Кавказа и южно-русских степей широко известны скифские богатые погребения, содержащие скелеты лошадей или же предметы конского убора. Приведенные выше курганы бывш. Роменского уезда содержали до несколько десятков удил, но особенно примечательно то, что погребения коней встречаются на Северном Кавказе и в рядовых могилах основной массы скифского населения, как это отметил А. А. Иессен².

В эпосе Давид Сасунский, сохранившем в себе сложившиеся задолго до образования армянского народа древнейшие мифы, чудесный морской конь Куркик Джалали выносит Санасара из морских глубин, чтобы спалить его солнцем, и уносит на себе правнука его Мгера младшего в твердь земную, «завершая тем самым исконное для человечества представление о трех небесах...»³. Особенный интерес для данной темы представляет и то обстоятельство, что Мгер старший, поделивший с внуком, Мгером младшим, образ Митры, выступает как охотник, как убийца черного быка, символа тьмы и преисподней⁴, которого и приносят в жертву Митре—солнцу⁵.

При раскопках могильников в Армении встречались также могилы, содержащие только скелеты быков, дающие возможность установить наличие культа быка. Самым характерным памятником этого типа является могила, раскопанная Е. А. Лалаяном в местности «Мртпи дзор», в селе Кишлаг, Нор-Баязетского района⁶. По характеру своего инвентаря и конструктивно она резко отличается от всех погребений Закавказья, относящихся к эпохам бронзы и железа. Сверху она была покрыта невысокой

¹ А. А. Спицин, Археологические исследования Э. Рессера в Елисаветпольской губ. в 1901 г., ИАК, вып. 16, стр. 4, 1905.

² Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Моздокский могильник, Л.-д., стр. 31, 1940.

³ И. А. Орбели, Предисловие к «Давиду Сасунскому», Давид Сасунский. Ереван, 1939, стр. XXIV; «Սասունցի Դավիթ», էջ 46—47, Մ. Արմաշան, «Սասնա ծռեր», հատ. Ա, էջ 687—688.

⁴ И. А. Орбели, Предисловие стр. XXIII; «Սասունցի Դավիթ», Երևան, 1939, стр. 129—130; Давид Сасунский (на русск. яз.), стр. 131; Մ. Արմաշան, «Սասնա ծռեր», հատ. Ա, էջ 690—691.

⁵ По свидетельству Ксенофонта богу солнца приносили в жертву лошадей (Анабасис, IV, 35).

⁶ Ե. Լալայան, Դավիթաների պեղումները Նոր-Բայազետի համալսարանում, էջ 79—80.

курганной насыпью, имеющей у основания кромлех из камней среднего размера, диаметром 20 м. Погребальный склеп (6×2,6 м.), облицованный каменными стенами, имел форму вытянутого четырехугольника и, не имея никакого перекрытия, был заполнен мелкими камнями и землей. Скелет быка был обнаружен на глубине четырех метров. Около него стояла миска, заполненная костями барана, а у хвоста были обнаружены глиняные трубы—курильницы (3 шт.) и маленький четырехугольный сосудик. Культурная значимость этих предметов не подлежит сомнению, так как среди инвентаря обычных закавказских могильников подобные предметы не встречаются и, кроме того, некоторые предметы из погребения быка носят на себе орнамент культового характера. Курильница, например, имела на себе изображение двух змей, выполненных точками, заполненными белой глиной. Неоднократные находки подобных курильниц (случайные приобретения) в Нор-Баязетском районе намекают на то, что погребение быка кишлагского кургана не является единственным памятником этого рода и что при условии вторичного исследования указанного района таковые могут быть обнаружены вновь.

О широком распространении культа быка в Закавказье свидетельствуют и другие факты. В Ходжалинском кургане № 2 в 1895 г. при раскопках Э. Реслера были обнаружены черепа быков, украшенных бронзовыми умбоновидными предметами, а также ажурная бронзовая головка быка и другие предметы культового значения.

На многих памятниках изобразительного искусства древности мы встречаем изображения реальных или же фантастических быков в сочетании с солярными знаками и другими рисунками, служащими целям религиозной символики¹.

Возвращаясь к вопросу животноводства, нужно отметить, что разведение скота обеспечивало население не только мясными и молочными продуктами, но и сырьем для ткацкого ремесла, широко применявшимся в материальном производстве страны, о чем свидетельствуют многочисленные находки головок пряслиц из глины, камня и кости, а также отдельные находки шерстяных тканей (Ахтала, погр. № 47, Дманиси и др.) в могильниках Армении. О высоком уровне развития ремесел свидетельствуют приведенные выше многочисленные данные. Особенно высокого уровня достигли гончарное, деревообрабатывающее, ткацкое и другие ремесла.

Но важнейшим событием в материальном производстве этой эпохи явилось быстрое и весьма широкое освоение железа, ставшего отныне основным и единственным материалом для изготовления орудий труда и оружия, вытеснившего окончательно из хозяйства каменные и бронзовые изделия, бытовавшие в жизни первобытного общества на протяжении многих тысячелетий. Бронзовые предметы труда и вооружения, встречаю-

¹ Древние историки рассказывают, что у мегяна богини Анаит паслись священные стада быков, предназначенных для жертвоприношения богине. Сама Анаит считалась попечительницей быков (см. *Պատմություն Բերդաշենի, Ջուղայի և Բարսիլի*, 1833, էջ 563—563). Подобного рода сведения сохранились также в рукописях Армянского Государственного книгохранилища (рукопись № 2679, стр. 1586, от 971—972 гг.) и в журнале *«Աղագրական Հանդես»*.

щиеся изредка в могильниках этой поры, становятся пережиточными видами изделий. Замена бронзовых изделий железными предметами, по качеству превосходящими бронзовые, вооружила первобытного человека совершенно новыми и мощными средствами в борьбе с природой, подняла производительность труда на новую, более высокую ступень, подрывая тем самым последние устои родовой организации и подготавливая прочную базу для более передового общественного строя.

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме», указывая на огромное значение перехода к железным орудиям, И. В. Сталин отметил, «...что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет в конце концов к рабовладельческому строю»¹.

Широкое и быстрое освоение железа в Армении было обусловлено несколькими обстоятельствами, связанными с общественным развитием всего Переднеазиатского мира. Развитие территориально локальных культур начала I тысячелетия в Чорохском, Алавердском, Борчалинском, Нагорно-Карабахском и Зангезурском меднорудных районах² создало возможности для перехода местных племен на новую ступень развития, сделало возможным довольно интенсивный межплеменной обмен, предотвратив тем самым затухание отдельных культурных очагов, связанных между собой довольно тесно. Взаимосвязь закавказской и северо-кавказской культур становится более интенсивной, а некоторые археологические находки позволяют даже установить места древних перевалов³, откуда попадали на Северный Кавказ изделия древневосточного происхождения. В период IX—VI вв. до н. э. огромную роль в развитии товарных отношений в Армении сыграло урартское царство, тесными узами связанное со странами Малой Азии. Таким образом, развитие материального производства племен, населявших Закавказье в I тысячелетии до н. э., подготовило уже почву для тесных связей со странами Малой Азии и древнего Востока, покрытого к тому времени сложной сетью торговых дорог, благоустроенных впоследствии царем Дарием I. Немаловажную роль в деле широкого освоения железа сыграло влияние урартской культуры. Урарты покорили значительную часть южных областей Закавказья, включили их в состав Ванского царства и связали, таким образом, весь Кавказ с древневосточными государствами.

Изучение железного инвентаря с несомненностью показывает большое сходство его с предметами, обнаруженными в урартских поселениях, что делает возможным предположение о поступлении ранних железных изделий в Закавказье из Урарту, тем более, что железная металлургия не могла возникнуть на основе бронзовой, как закономерная форма ее развития⁴. Однако к моменту VII—VI вв. до н. э. в железном инвентаре могиль-

¹ О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1952, стр. 31.

² А. А. Иессен, Из истории древней металлургии Кавказа.

³ В могильнике, раскопанном Г. Гобеджишвили у с. Геби (верх. Раче), были обнаружены навкратийские скарабеи, очень близкие к обнаруженным в верховьях рек Чегема и Баксана, по ту сторону хребта. См. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 60.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 116.

ники на территории Армянской ССР и некоторых других районов Закавказья выделяются определенные группы предметов, имеющих независимые от урартских формы и тяготеющих скорее к формам бронзовых предметов, как это было видно при анализе инвентаря Хртаноцского могильника. Это обстоятельство указывает на далеко вошедший процесс освоения железа, происшедший в течение, по крайней мере, не одного столетия.

Особого сомнения не вызывает и то обстоятельство, что в период начальной стадии освоения железной металлургии в Закавказье железо поступало из богатых железорудных местонахождений, расположенных недалеко от Ванского озера, на которых и базировалась урартская металлургия. Армянские историки раннефеодальной эпохи (V в.) сохранили нам много сведений о богатых рудных местонахождениях Армении. При описании путешествия епископа Акопа историк Фавст Бузанд говорит о богатых железом и свинцом Рштунийских горах, называемых горами добывателей железа и свинца¹, наподобие того, как малоазийские горы (Тавр и др.) в ассирийских клинописных текстах называются «серебряными». Согласно данным средневековых источников, железорудными местонахождениями были очень богаты также армянская область Անգեղ տուն (Ангел тун) ныне Արղիշի-մարտի (Аргана-мартсн) и многие другие районы близ оз. Ван. Особо важное значение имеет то обстоятельство, что в одном из вариантов легенды об Ара Прекрасном² сохранились вполне достоверные сведения о высоко развитой урартской железной металлургии, чем и объясняются в легенде неоднократные победы урартов над ассирийцами. Точно такая же легенда, до мельчайших деталей соответствующая вышеупомянутой, сохранилась и о Давиде Сасунском, одержавшем с помощью грозного—меча—Авлуну победу над иноземными поработителями.

Вполне возможно, что поступление железа из указанных районов не прекратилось и в дальнейшем, в период интенсивного освоения железа в Закавказье. При раскопках цитадели на Кармир-блуре обнаружены большие массивные куски железа, которые не могут быть причислены к какому-нибудь виду оружия или орудий, что заставляет видеть в них привозное сырье. Однако с несомненностью можно сказать, что местная высоко развитая металлургия VII—VI вв. не могла уже базироваться на привозном сырье и должна была иметь местную сырьевую базу.

Геологические работы, проведенные в последнее время на территории Советской Армении и в других местах, показали, что железорудные месторождения, сопутствующие меднорудным базам, могли бы вполне удовлетворить запросы той отдаленной эпохи. Наиболее крупные из них расположены в Ноемберянском, отчасти в Иджеванском районах Арм. ССР и залегают либо в периферической части крупного Кохп—Шнохского интрузива, либо в прикантроктовой зоне интрузива (месторождения Цакери-дош, Беюк-Гекдаг, часть месторождения Мисхана). Менее богатые объекты расположены в Калининском (Медная и Черемша), Алаверд-

¹ Փ. Բուզանդ, Պատմութիւն նախնեաց, էջ 24, Վենետիկ, 1832:

² Ե. Շալւան, Ազգաբնակչան հանդէս, 1902, գիրք 9-րդ, էջ 145—150:

³ Սանա ծոնք, Ե. Բ:

ском (бас. р. Бабаджан) и Кироваканском (бас. р. Сисиджур) районах. Геолог И. Г. Магакьян, обследовавший эти железорудные месторождения северной Армении, утверждает, что «все перечисленные месторождения были известны еще в глубокой древности и разрабатывались, о чем говорит повсеместное наличие древних выработок обширных отвалов и скоплений шлаков плавки железных руд»¹.

И. Г. Магакьян отмечает, что в настоящее время ни одно месторождение железа не разрабатывается. В этом отношении незаурядный интерес представляет то обстоятельство, что на основании армянских средневековых литературных источников, а главным образом лапидарных надписей², можно установить, что богатые железные месторождения, расположенные в Ноемберянском районе, по прямой линии от селения Шнох (через Кохб, Манстев) до селения Севкар (Черный камень) интенсивно разрабатывались в средние века, причем в надписях эти месторождения обычно называются *բուխ* (руды)—слово, которое употребляется крестьянами этих районов и сегодня. В настоящее время весьма трудно определить, какие именно из этих разработок относятся ко времени средневековья и какие—к более ранним этапам истории развития общества, но геолого-археологическая комплексная экспедиция с несомненностью установила бы места древнейших разработок, относящихся именно к эпохе широкого освоения железа, когда впервые были обнаружены и использованы эти богатства.

Вопрос добычи металла не может служить показателем производственной дифференциации, но представляет определенный интерес в свете высказывания К. Маркса о том, что «Различные общины находят различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собою по способу производства, образу жизни и производимым продуктом. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами»³.

Заканчивая обзор развития ремесла и, главным образом, освоения железной металлургии, следует отметить, что достигшее высокого развития ремесло находилось в руках отдельных ремесленников, явившихся первыми «торговцами», распространявшими свою продукцию по всему Закавказью. На это указывают чрезвычайно стандартные формы железных, бронзовых, керамических, каменных и других изделий⁴, а также находки каменных и глиняных форм для отливки бронзовых изделий. В знакомом уже нам Сисианском долменовидном могильном сооружении, инвентарь которого находил близкие аналогии среди материалов из Хрта-

¹ И. Г. Магакьян, Железорудные месторождения северной Армении, *Տեղեկագիր ՀՍՍՌ Գր. և հաղորդագր.*, № 1 (բն. գիտություններ), 1911.

² Կ. Կուստանյան, Հիմնական տարեգիր, *ՍՊՐ*, 1913.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. т. VII, стр. 387—388.

⁴ Именно стандартизация форм изделий указывает на обособленное положение ремесла. При изучении южно-сибирской культуры карасукского времени С. В. Киселев на основании наличия малой стандартизации форм пришел к выводу о неособоленном положении литейного дела в указанный период. Наоборот, для более позднего тагарского времени он отмечает большую стандартизацию бронзовых изделий (Древняя история южной Сибири, МА СССР, № 9, 1949, стр. 95).

ноцкого могильника, было обнаружено четыре глиняных четырехгранно-удлиненных формы с продольными круглыми желобками на внешней поверхности для отливки металлических стержней. Не исключена возможность, что в данном случае мы имеем налицо погребение древнего мастера. Этнографические параллели подтверждают такое предположение. Лорийские крестьяне до последних времен сохранили обычай при похоронах класть в могилу вместе с покойником молот—если покойник был кузнецом, тесло—если он был столяром, бритву—если он был парикмахером, в общем инструмент, относящийся к его специальности¹.

Таким образом основными отраслями хозяйства в обществе VII—VI вв. на территории Армянской ССР являлись скотоводство, земледелие и ремесло, развивавшиеся на основе неразрывной взаимосвязи.

За первым общественным разделением труда, обусловленным высоким развитием земледелия и скотоводства, в эпоху широкого освоения железа последовало второе крупное общественное разделение труда: отделение ремесла от земледелия.

Археологические работы, произведенные в Армянской ССР по изучению памятников раннежелезной эпохи, дают также сравнительно большие возможности для восстановления приблизительной картины социальной жизни общества VII—VI вв., находящегося на пути разложения первобытных, доклассовых отношений и зарождения классовой дифференциации, усиленной под влиянием урартского владычества.

Лучшими свидетелями первобытно-общинного строя являются многочисленные крупные и мелкие могильные сооружения, циклопические крепости, поселения и ирригационные каналы, сооруженные некогда общими усилиями того или иного племени, покрывающие ныне сплошным покровом всю территорию Армении. Некоторые исследователи Закавказья считают, что эти грандиозные сооружения служат показателями широкого использования рабского труда, исходя из многочисленных данных о наличии большого количества рабов в эпоху бронзы и раннего железа. Однако подобное предположение, ведущее к отрицанию основных принципов родоплеменной организации, не может быть подтверждено фактами. В таком случае в курганах, кромлехах и других мегалитических сооружениях нужно было искать лишь погребения родоплеменной знати, владевшей огромным количеством рабов. Однако исследование могильников ясно показывает, что в конструктивно-однотипных могилах погребены представители как рядового, так и привилегированного слоев населения, подтверждая тем самым положение о принадлежности отдельных могильников отдельным родам или племенам, строившим совместными усилиями могилы сородичей или соплеменников по общепринятым нормам.

Таким же путем сооружались грандиозные по масштабу и по затраченной физической энергии ирригационные сооружения, циклопические крепости и поселения. Изучение крепостей, каналов древнего орошения, могильников и других крупных сооружений Закавказья, относящихся к ранним и сравнительно к более поздним этапам жизни данного общества, указы-

¹ Б. Л. Урарту, Արարատի շրջանի 10-րդ, էջ 170, 1903.

вает все же на большие перемены, происшедшие в социальной жизни аборигенов. Порою даже формы и размеры этих сооружений служат основанием для довольно интересных выводов и догадок.

Так, в крупных курганах раннебронзовой эпохи на Цалке мы имеем как чрезвычайно богатые погребения, содержащие первоклассные золотые вещи, так и довольно бедные погребения с незначительным инвентарем, которые внешне никак не отличаются друг от друга. По устройству же могильного сооружения эти курганы делятся на два типа: ямные и безъямные. Ямные погребения, покрытые сверху бревенчатым накатом, имеют форму вытянутого четырехугольника площадью до 100 кв. метров и глубиной от пяти до девяти метров; безъямные погребения состоят из огромных залов, также покрытых бревенчатым накатом и сооруженных прямо на земле. Площадь погребального зала кургана № XXXVI составляет 175 кв. метров, а высота стен, сложенных сухой кладкой, достигает до пяти метров. Погребения в Триалети, относящиеся к более позднему времени, не отличаются большими размерами, а погребения эпохи железа были заключены в мелкие каменные ящики, иногда не совсем аккуратно сложенные. Возьмем другие примеры. Ходжалинский курган (№ 1) позднебронзовой эпохи, раскопанный Э. Реслером, имел в окружности 680 футов, а в высоту 80 футов. Курганы № 2 мало чем отличался от первого. Курганы этого могильного поля, относящиеся примерно к VII—VI вв. до н. э., имели невысокие и мелкие каменные насыпи. Курганы эпохи широкого освоения железа в Нор-Баязетском районе имели в окружности до 11 метров и в высоту до 1,2 м. Размеры погребальных сооружений по мере продвижения к нашей эпохе все уменьшаются.

При обследовании крепостей и поселений наблюдается другая очень интересная картина. Крепости, относящиеся к более ранним периодам жизни родового общества, внутри своих мощных оборонительных стен заключали все поселение, имеющее однотипные жилища, указывая тем самым на монолитность рода или племени, населявшего данное поселение. Крепости же, относящиеся, например, к урартскому времени, отличаются от более ранних не только по масштабам, но и по типу. Крепостное здание здесь, предназначенное для жилья особо важных лиц, отгорожено от поселения мощной стеной, а поселение, простирающееся за крепостной оградой, не имеет оборонительных стен и резко отличается от самой крепости архитектурно. Это обстоятельство само по себе указывает на процесс глубокого имущественного расслоения внутри отдельных племен и на разложение родового строя. Конечно, сооружение крепостей позднего типа для представителей знати осуществлялось также общими усилиями больших людских коллективов, в то время как жилища на поселениях строились, по всей вероятности, силами отдельных патриархальных семейств.

Для исследуемой эпохи типичную картину представляет поселение, расположенное в ущелье р. Раздан, около селения Кахси, Ахтинского района, Арм. ССР. По берегу реки, составляющей северную границу поселения, проведена замечательная циклопическая кладка, одно крыло ко-

торой, загибаясь на юго-восток, защищает поселение с указанной стороны. По сторонам древней проселочной дороги, проходящей с востока на запад и разделяющей поселение на две почти равные части, группами расположены отдельные комплексы жилищ, состоящие в основном из 4—5 помещений овальной или подчетырехугольной формы, архитектурно вполне соответствующих описанным выше жилищам в ущелье Хртаоц. Среди этих комплексов имеются и отдельные, не связанные между собой, овальной или круглой формы жилища. С южной стороны поселение упирается в шоссейную дорогу Ереван—Севан. Здесь, на юго-западной окраине его, где проходит линия новой железнодорожной трассы, был открыт случайно могильник, состоящий из каменных ящиков, дающих очень характерный для периода VII—VI вв. до н. э. материал¹. На территории поселения имеются также курганы, окруженные кругами камней. Даже первоначальное ознакомление с этим замечательным памятником показывает, что эти комплексы жилищ были предназначены для отдельных больших семейств и никак не могли служить общеродовыми жилищами.

Таким образом, крупные сооружения, относящиеся к более ранним этапам жизни родоплеменного строя, отличаются огромным количеством затраченной людской энергии, монолитностью и большими масштабами жилищ, в то время как в условиях широкого применения железа, более высокого развития производительных сил и прогрессивно увеличивающегося количества рабочих рук (за счет пленных, обращенных в рабство) мы видим картину локальной раздробленности поселений, деления их на разьединенные мелкие комплексы жилищ, порою с совершенно изолированным большим зданием на самом недоступном для противника пункте².

Глубокая имущественная дифференциация давным давно разлагала первобытное доклассовое общество, и этот процесс отразился уже в погребальном обряде. Так, из 40 однотипных погребений, раскопанных Е. С. Такайшвили в Ворнаке, лишь некоторые оказались богатыми (№ 16, 5), основная же масса погребений содержала только керамические сосуды. Подобная же картина наблюдается при изучении курганов, раскопанных Е. А. Лалаяном в сел. Загалу и других местах Нор-Баязетского района, где многие погребения, подобно ворнакским, содержали только керамику и единичные железные изделия.

Можно привести множество аналогичных примеров. В противовес скифским богатым курганам Прикубанья, изобилующим золотыми и серебряными первоклассными вещественными памятниками, территория

¹ Поселение было осмотрено А. О. Мнацаканяном. Им же было ориентировочно раскопано несколько погребений, связанных с поселением.

² Отсутствие специальных работ по крупным сооружениям, малоизученность этих сооружений, специфические условия жизни отдельных племен, оставивших нам эти памятники, особенности географических условий местности, занимаемой тем или иным племенем, а также сравнительное материальное превосходство племен над другими имеют решающее значение для разрешения выше затронутого вопроса и чрезвычайно затрудняют установление общих норм даже на протяжении огромного промежутка времени, поэтому следует отметить, что этот вопрос выдвинут нами в качестве наиболее вероятной рабочей гипотезы, на проверку археологической практики.

Предкавказья усыпана тысячами рядовых курганов, содержащих только керамику, но довольно четко датируемых временем ранних кубанских (скифских) курганов (VII—VI вв. до н. э.).

А. А. Иессен, исследовавший эту культуру, показал, что именно они являются наиболее характерными погребениями основной массы населения Предкавказья¹, несмотря на то, что исследователи ограничивались лишь раскопками богатых курганов, дающих в некоторой степени ложное представление об общем уровне развития материального производства, и не копали вовсе рядовых курганов. Различное социальное положение погребенных в могильниках Армении отмечалось также различным видом помещения их в могилу². В то время как основной покойник, снабженный большим количеством вещей, помещался в могилу в лежащем положении, сопровождающие его покойники помещались в сидячем или в скорченном (на боку) положении. Раскопки могильников Нор-Баязетского района (Арм. ССР), относящихся к эпохе широкого освоения железа, ярко иллюстрируют вышесказанное наблюдение.

Так, в кургане № 25 в сел. Загалу было обнаружено 6 костяков мужчины, женщины, ребенка и трех сопровождающих лиц. Последние были захоронены в сидячем положении, а первые — в лежащем. В паташарском коллективном кургане № 2 было погребено 4 покойника, из коих три оказались в сидячем положении. У четвертого покойника, представленного в лежащем положении, оказались костяк лошади с железными удилами, меч и наконечник копья из железа³. В разных погребениях встречается разное количество сопровождающих лиц. В приведенном выше кургане (№ 1) в местности «Ахпри глух» из 32-х погребенных только один оказался в лежащем положении. Все остальные были представлены либо в сидячем, либо в безразлично брошенном положении. Основное погребение, снабженное большим количеством железных и бронзовых вещей, сопровождало еще несколько скелетов животных, в том числе и лошади. Особенную важность представляет здесь то обстоятельство, что скелеты основных и сопровождающих погребений резко отличались друг от друга по антропологическим данным. Череп костяков основных погребений были долихокефальными, что характерно для закавказских аборигенов, а череп сопровождающих костяков были брахикефальными. «Эти наблюдения, — пишет Б. Б. Пиотровский, — поднимают не только весьма существенный для истории древнейшего Закавказья вопрос о рабстве, но также об его источниках. Возможно, рабами становились пленные, захваченные в районах к югу от Закавказья, для населения которых особенно характерна брахикефалия»⁴.

Выделение археологами огромного количества захоронений рабов

¹ Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Моздокский могильник, Л.-д., 1940 г. стр. 36.

² В. Л. Лившиц, *Скелетно-погребальный обряд (некрополь)*, *Ученые зап. кавк. ун-та*, 14, 1906.

³ Б. Б. Пиотровский, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДИ, № 3, стр. 187, 1947.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДИ, № 3, 1947, стр. 187.

никим образом не может быть ошибочным, так как оно подкрепляется еще сведениями ассирийского источника о том, что в области Шуприа (севернее верхнего Тигра) среди беглых урартских повстанцев огромное число составляли и рабы, которые насильственно были возвращены урартскому царю Руса (II) Асархаддоном, ассирийским царем, направившимся с войском в эту горную страну для того, чтобы наказать беглых ассирийцев, оставивших своих хозяев и убежавших в Шуприю¹. Известно, что средиземноморские города, тесно связанные в то время с Передней Азией торговыми узами, выменивали свои товары на рабов, на «души человеческие». Вполне вероятно, что в этой торговле участвовали также некоторые из племен Закавказья, хотя на это нет ясных указаний в письменных источниках. Появление рабов в Армении, начиная с эпохи бронзы, было обусловлено развитием производительных сил общества и увеличением производства в основных отраслях хозяйства.

Ф. Энгельс объяснил причины, порождающие рабство: «Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержки ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их. Военнопленных стали обращать в рабство»².

Выше мы увидели, что в силу происшедших в хозяйстве коренных изменений скотоводство, земледелие и ремесло в период VII—VI вв. (до н. э.) стали развиваться невиданными до того времени темпами и, вступив на более высокую ступень развития, создали огромные возможности для привлечения в процесс производства материальных благ все новых и новых рабочих рук, для обращения в рабство военнопленных в «массовом» порядке. Процесс глубокого имущественного расслоения в сильной мере отразился в погребальном обряде некоторых племен, чем и нужно объяснить появление различных погребальных обрядов в конструктивно однотипных могильниках, например, Нор-Баязетского района (Арм. ССР), относящихся к эпохе широкого освоения железа. Особенный же интерес представляет здесь то обстоятельство, что в резко отличных по обряду курганах мы не замечаем особенно большой разницы в их инвентаре, т. е. в большинстве случаев мы имеем рядовые погребения, весьма характерные для всего Нор-Баязетского района и только в редких случаях — погребения племенной знати или особо важных лиц.

В качестве иллюстрации приведем группу рядовых курганов Загалинского могильника, расположенного недалеко от крепости, связанной клинописной надписью урартского царя Сардура, сына Аргишти (середина VIII в. до н. э.).

¹ Г. А. Мелликишвили, Вопросы социально-экономической истории Урарту, ВДИ, № 4, 1951, стр. 31–32, а также И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV, 1:51, стр. 107–108.

² Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 181–182.

Курган № 4 являлся, повидимому, семейным. В нем оказались 3 лежащих скелета — мужской, женский и детский. При первом обнаружении — железный меч, железные браслеты и наконечники посоха (?) из бронзы. В другом кургане (№ 25) совместно с костяками мужчины, женщины и ребенка, представленными в лежащем положении, были обнаружены также скелеты трех сопровождающих лиц, помещенных в могилу в сидячем положении. Основные погребения не отличались богатством инвентаря. Курганы, находящиеся рядом (№№ 26, 27), содержали по одному мужскому костяку в лежащем положении. В первом обнаружены железный кинжал и два браслета из бронзы, а во втором — бронзовый пояс, меч и кинжал из железа, а также несколько украшений из бронзы. Другой курган (№ 42) этой группы содержал два мужских костяка, помещенных в могилу в лежащем (на боку) положении. У первого из них был обнаружен железный кинжал, а у второго — один железный и два бронзовых кинжала¹. При всем этом нужно отметить, что курганы, содержащие сопровождающие погребения (от одного до 31 скелета), встречаются как в Загалинском, так и в других могильниках Нор-Баязетского района сплошь и рядом, и не представляют из себя уникалов, как это наблюдается при изучении могильников бронзового века, когда сопровождающие погребения встречаются лишь в могилах, снабженных чрезвычайно богатым инвентарем.

На этом основании нам представляется, что количество пленных, обращенных в рабство в эпоху железа, увеличивается, и если в эпоху бронзы рабами могли обладать особо важные лица, то в данный период, наряду с увеличением числа рабов, посаженных на землю урартским царем или представителями военной знати, в родоплеменном строе Армении выделяется довольно густой слой населения, обладающий рабами. Такому предположению не противоречат сообщения раннефеодальных историков, свидетельствующие о наличии в дофеодальной Армении различных категорий рабов — цара (*ծառաւոր-ընդօժիւ, տէտրաւոր, տրաւոր*), работающих в частновладельческих хозяйствах — агараках и дастакертах, возникновение которых армянская историческая традиция возводит «к периоду царствования династии Еруандуни (316—199 гг. до н. э.)»².

Большого внимания заслуживает в указанном отношении рассказ Моисея Хоренского (V—IV вв) о царе Арташесе (II в. до н. э.), подарившем спарипету Смбату Багратуни 500 рабов³, а также описание похорон этого царя, основателя первой армянской династии. Приводим отрывок из истории Хоренского.

«(Историк) пишет: много народу погибло во время смерти Арташеса; (погибли) любимые жены, наложницы, верные слуги. Похороны в честь его трупа были великолепны, не по обычаю варваров, а народов образованных. Одр был золотой, ложе и постель — из виссона, одежда на нем —

¹ Աղղաղրաւոր չառաւոր, գիրք 15, 1917.

² С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1, стр. 13—15.

³ Там же, стр. 15—16.

златотканная, корона на голозе, перед ним (лежало) золотое оружие. Сыноты и многочисленные сродники окружали одр; за сими — воинские начальники, родоначальники, сонм нахараров и полки вознов, всоруженных, как бы на войну идущие; впереди (трубили) в медные трубы, сзади (шли) рыдающие девы, блеченные в траур, плакальщицы, а за (ними) толпа простолюдинов. — Таковы были (погребальное) шествие и похороны Арташеса. Вокруг его могилы совершалось много добровольных смертей, как мы сказали выше¹. Так умер этот царь, любимый нашей страной, после двадцати одного года царствования»². Описание историка невольно напоминает закавказский погребальный обряд и богатые скифские курганы Прикубанья.

В близких чертах описывает Геродот (История. IV, 71) похороны скифских царей. Следовавшие за трупом царя и оплакивавшие его скифские племена приходили к геррам, в земле которых было кладбище царей. Труп вместе с оружием клали в могилу и покрывали его камышом... а в остальном пространстве могилы хоронили наложницу, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, предварительно задушив их, «лошадей, по отборной штукe всякого другого скота и золотые фиалы (серебро и медь вовсе не употребляютcя); после всего этого они все вместе насыпают большой курган, всячески стараясь сделать как можно больше»³. Совершенно очевидно, что М. Хоренский похороны Арташеса I описал, главным образом, на основании древнеармянского эпоса, материалы которого были использованы, однако, так умело, что рассказ этот вовсе не противоречит сообщению Геродота о похоронах у скифов, стоявших на одинаковом уровне общественного и экономического развития. Особенно же интересно то обстоятельство, что, стремясь скрыть факт насильственного умерщвления рабов в период первой армянской династии, он дважды подчеркивает, что рабы не были умерщвлены, как это имело место у варваров, а приняли добровольную смерть по обычаю «образованных народов»⁴. По сведениям же гусанов, во время похорон Арташеса много народу погибло по обычаям варваров (*հորինածի, Բ, ԱԿ*).

Таким образом, глубокая имущественная дифференциация вела родоплеменной строй к неминуемой гибели, к образованию антагонистических классов. Зарождение частной собственности, посемейная обработка отдельных участков земли, накопление богатств (главным образом скота) в руках отдельных семейств (под влиянием урартов) окончательно разрушили первобытно-общинные отношения.

¹ Курсив наш — А. А. Мартиросян.

² Моисей Хоренский, История Армении, Москва, 1893 г., стр. 107 (пер. Н. О. Эмина).

³ В. В. Матышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ. № 2, стр. 271, 1947.

⁴ Этот обычай сохранился у многих народов даже в средние века. Историк Киракос Гандзакец (XIII в.) сообщает, что при похоронах татарских вельмож в могилу клали слуг и рабов, которые должны были обслуживать своих хозяев на том свете. В могилу клали также лошадь, для участия ее хозяина на войне. (*Գանձակեցի Կիրակոս, Քիֆիկոս, 1910, էջ 259*).

В условиях окончательного разложения родоплеменных отношений в конце первобытно-общинного строя возникают большие союзы племен. На что указывают урартские эпиграфические памятники. Клинообразная надпись царя Русы, сына Сардура (конец VIII в. до н. э.), повествует о покорении 23-х «стран», расположенных в районе оз. Саван. и пленении их «царей» в один год. Подобная логика надписи и локализация некоторых из этих «стран» не оставляют сомнения в том, что эти «страны» являлись территориально определенными владениями (участками) отдельных племен, во главе которых стояли племенная знать или военачальники, именуемые в урартских надписях «царями»¹. Именно в этот период возникают сельские общины, являющиеся по выражению К. Маркса «последним фазисом первичного образования общества»². Несомненно, эти общины при урартах уже носили ярмо тяжелых государственных повинностей и были низведены до роли податных единиц, потенциально содержащих в себе, как говорит К. Маркс, элементы разложения в лице разложения частного накопления движимого имущества в отдельных семействах³.

Ксенофонт, заброшенный судьбою в Армению (конец V в. до н. э.), описал сельские общины, где люди жили в обособленных патриархальных семьях⁴. Этому не противоречат наши соображения относительно обособления земельных участков и скота в руках отдельных больших семейств.

Возникновение крупных союзов племен с общим уровнем общественного и культурного развития делает возможным установление контакта с племенами и союзами их, стоящими на одинаковой ступени общественного развития и населявшими территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Подобный контакт между беспокойными воинственными племенами Кавказа и южно-русских степей создает грозную опасность для Ванского царства, борющегося всеми силами против усиления этих племен. Борьба эта первоначально выражалась в угоне скота и в бесконечных переселениях местного населения на чрезвычайно отдаленные от родины места, а позднее в более серьезных и радикальных мероприятиях, обезопасивших на время урартское пошатнувшееся государство. Огромное значение в указанном направлении имела административная реформа, проведенная при Русе I (конец VIII в.) по разделению Армении на ряд мелких округов, во главу которых назначались самостоятельные наместники. Это необходимое мероприятие было направлено против усиления наместников, управлявших прежде большими округами и неоднократно пытавшихся с помощью подвластного им местного населения свергнуть ванских царей.

¹ Б. Б. Петровский, Урарту — древнейшее государство Закавказья, стр. 46.

² К. Маркс. Письмо к В. Засулич, Архив Маркса — Энгельса, т. I, М., 1924, стр. 285.

³ Там же, стр. 278.

⁴ Анабасис.

В одинаковых условиях материальной жизни и в борьбе против внешнего опасного врага все больше сплачивались прежде разрозненные племена, производственный и культурный уровень которых с течением времени нивелировался, стирая грани между отдельными племенами, населявшими весьма широкие пространства.

Дошедшие до нас письменные источники, сохранившие скудные сведения о политической ситуации (VII—VI вв. до н. э.) на переднеазиатском субстрате, все же четко характеризуют борьбу этих мощных военно-политических союзов племен против некогда могущественных рабовладельческих государств древнего Востока.

Отряды киммеров и скифов, появившиеся в Передней Азии уже в VIII в. до н. э., помогали выделению небольших стран в условиях политического и экономического кризиса всего древневосточного рабовладельческого строя. Несомненно, в этой борьбе участвовали и кочевые отряды из племен, живших в пределах Урарту. В этом отношении большого внимания заслуживает рассказ М. Хоренского о князе Паруйре Скаворди, современнике Русы II, строителе крепости на Кармир-блуре, как это полагает Б. Б. Пиотровский¹. По точному свидетельству Хоренского, Паруйр был «коренным», «настоящим» родоначальником армян, сподвижником мидийского царя Варбака в борьбе последнего против ассирийского Сардапала².

Борьба племен, входивших в состав урартского государства, против Ассирии имела для урартских царей огромное значение, так как, с одной стороны, она была направлена против основного соперника Урарту, а с другой, силы, могущие подорвать само урартское государство изнутри, были втянуты в нее, и, таким образом, лишены возможности нанесения сокрушительного удара по расшатавшемуся урартскому государству.

Однако, создавшееся положение оттянуло гибель Урарту лишь на время, и вскоре после падения Ассирии основные силы, нанесшие сокрушительный удар по ассирийскому царству, повернулись против Урарту и с неимоверной быстротой свергли урартское царство.

Падением Урарту начался новый этап развития в жизни закавказских аборигенов, этап, с которого обычно начинается история современных народов Закавказья, и, в частности, история армянского народа.

На основании изучения древневосточных эпиграфических памятников ученые пришли к выводу, что в истории Передней Азии армяне появились в VI в. до н. э. Вопросу происхождения армянского народа было посвящено немало работ, в которых до последнего времени появление армян рассматривалось в связи с миграцией индоевропейских племен из западных областей Малой Азии. Лишь в последние годы работами совет-

¹ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 20, Ереван, 1946.

² И. О. Эмин, Династический список Хайкидов, Этнографический фонд Эмина, вып. II, стр. 175—176.

ских ученых¹ с полным основанием была опровергнута ошибочная гипотеза о миграции армян, внесенная в историографию еще античными писателями или армянскими историками раннего средневековья, приводящими родоначальников армян из Месопотамии.

Существенным пробелом в разработке вопроса являлось игнорирование урартского материала, «хотя армены не только заняли территорию царства (Ванского—А. М.), но и восприняли урартскую культуру»².

Необходимость археологического изучения Армении в VII—VI вв. до н. э. в связи с переднеазиатскими странами тем более настоятельна, что в работах, посвященных вопросу происхождения народов Закавказья, рассматривается лишь политическая сторона вопроса в отрыве от хозяйственной жизни племен, сливающихся воедино и образующих со временем народы.

Предпосылки к образованию армянского народа могут быть выяснены только путем историко-археологических изысканий, на основе всестороннего изучения вопросов не только хозяйственной, но и идеологической жизни населения страны.

¹ Главным образом Г. А. Капанцяна («Хайаса—колыбель армян», Ереван, 1948), Б. Б. Пиотровского (О происхождении армянского народа, Ереван, 1946), С. Т. Еремяна (К вопросу о происхождении армянского народа, Вопросы истории, 1952, № 7).

² Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 5.